

Закрытые двери ничего не покажут, породив лишь легкий озноб.

На рассвете следующего дня Чу Цин-Янь появилась перед дверью Сяо Сюя.

Поскольку они должны были уехать в далекое место, император отпустил его с утреннего двора.

Сяо Сюй вышел из своей двери и увидел малышку, с тревогой ожидающую его поблизости. Вчера вечером, вернувшись из дворца, он пообещал ей, что пойдет с ней за покупками. Неудивительно, что сегодня она так рано встала. Он покачал головой и беспомощно сказал. "Поехали!"

Прежде чем они вышли со двора, раздались слова, которые почти заставили Чу Цин-Янь споткнуться. "Рано уйдёте и рано вернётесь. Сегодня вечером я хочу есть Шанхайские булочки на пару, жареные пельмени, Ласточкино гнездо и мясной суп!"

Чу Цин-Янь беспомощно повернула голову и посмотрела на старого мальчишку, который изо всех сил махал ей обеими руками. Она тихо согласилась.

"Я знаю!"

Затем она подняла голову и тихо пожаловалась человеку, стоявшему рядом с ней.

"Дедушка император-обжора!"

Услышав это, Сяо Сюй расхохотался. "Раньше, когда дедушка император управлял западным Сюанем, он часто был занят работой, забывал поесть и не спал. После того, как он передал должность отцу императору, то стал путешествовать по миру. Изысканная еда стала частью того, что он искал в жизни."

Чу Цин-Янь понимающе кивнула.

"То есть, он не хочет, чтобы эта часть жизни снова прошла мимо него."

"Можно сказать и так!"

Она кивнула и тут же улыбнулась.

"Тогда сегодня вечером я испеку несколько пирожных, которые дедушка Император никогда не пробовал."

Сяо Сюй опустил голову, чтобы посмотреть на нее.

"Ты не боишься, что дедушка император из-за этого к тебе прилипнет?"

Она потерла голову и улыбнулась. "Держись меня, во всяком случае, деньги, которые я трачу, твои. Более того, он твой дедушка, и мы должны проявлять уважение к старшим. Во-первых, у меня нет силы, во-вторых, у меня нет таланта, так что я могу делать только эти мелочи для того, чтобы понравиться ему."

Пространство между бровями Сяо Сюя слегка сдвинулось. Он помог ей сесть в карету.

“Это уже очень хорошо.”

Ее благосклонность в его глазах уже превзошла все земные блага.

Колеса кареты завертелись, и они очень быстро подъехали к воротам императорского дворца.

Они вышли из кареты и всю дорогу до Дворца утреннего солнца шли пешком, никто не мешал им.

Ло Юн наблюдала за воротами, она смотрела на Его Высочество, как будто ожидая его. Только когда ее взгляд остановился на Чу Цин-Янь, ее глаза вспыхнули так сильно, как будто она не ожидала увидеть эту девушку.

“Его Высочество в эти дни пережил много лишений.”- Сказал Ло Юн с некоторым беспокойством.

“Я в долгу перед тетей Ло за ее заботу. Не знаете, встала ли матушка-императрица? Пусть тетя Ло даст ей знать.”-Сяо Сюй привел Чу Цин-Янь и стоял снаружи дворца, безразлично говоря это Ло Юн.

Чу Цин-Янь покачала головой. Лыдина всегда создавал вокруг себя такую ауру "посторонним не следует приближаться". Неудивительно, что в поместье принца всегда было так холодно и уныло. Никто не заходил в гости и не хотел приближаться ближе, чем на несколько метров. Она предположила, что люди просто боятся замерзнуть насмерть от холодного воздуха лыдины!

Теперь, когда Ло Юн услышала это, на ее лице появилось смущенное выражение.

“Ваше Высочество, императрица Нианг Нианг уже распорядилась, чтобы в эти несколько дней ее двери были закрыты, она не принимает посетителей. Прошу вас вернуться!”

Глаза Сяо Сюя слегка вспыхнули, как будто какой-то темный цвет промелькнул мимо. Но очень быстро он вновь обрел спокойствие и серьезность. Он слегка наклонил голову и уже собирался ответить, когда человек рядом с ним сделал шаг вперед и четко сказал Ло Юну.

“Тетя Ло, завтра наше семейное Высочество отправится в долгое путешествие. Сегодня он специально пришел попрощаться с императрицей Нианг Нианг. Если бы императрица Нианг Нианг знала, что Его Высочество собирается в долгое путешествие, она не оставила бы нас за дверью и не отказалась бы нас видеть. Все же попросите тетю Ло зайти и сообщить ей.”

Лицо Чу Цин-Янь украшала яркая улыбка. Ее речь была такой, что ее ну никак нельзя было раскритиковать. Даже тетя Ло, которая так долго жила во дворце, не смогла найти ни одного недостатка, чтобы ответить тем же. Она отвела взгляд на Его Высочество и увидела, что он тоже ждал ее ответа. “Попросите Ваше Высочество подождать минутку, эта служанка войдет и даст ей знать.”

Увидев, что Ло Юн повернулась, чтобы войти во дворец, улыбка на лице Чу Цин-Янь медленно исчезла.

Императрица Лян, вы действительно можете оставить своего сына за дверью и отказаться его видеть?

Завтра он отправится в долгое путешествие, может быть, на три года, может быть, на пять. Вы действительно не хотите увидеть его хоть раз?

Она обернулась и посмотрела на высокую и длинную фигуру. Лыдина, твое сердце снова стало ледяным?

Она крепко сжала руку, спрятанную в рукавах. Она не разговаривала и не мешала лыдине. Сейчас она неотрывно смотрела на плотно закрытые двери дворца. Она боялась, но хотела, чтобы они открылись снова.

Ожидание всегда кажется бесконечным.

Было ясно, что прошло всего четверть часа, но казалось, что прошел целый сезон.

Ворота дворца со стоном открылись, когда появилась фигура Ло Юн.

Краем глаза она заметила, что лыдина слегка шевельнулся. Чу Цин-Янь тихо вздохнула. Хотя он всегда казался холодным и безрадостным, как будто у него не было никаких чувств к окружающему миру, она знала, что он беспокоится.

Кровь гуще воды, нет никого, кто нелюбим бы своих близких родственников.

Чу Цин-Янь пристально смотрела на Ло Юн, но когда она увидела выражение ее лица, ее сердце внезапно охватило плохое предчувствие.

Как и ожидалось.

“Ваше Высочество императрица Нианг Нианг не здорова, ей все еще неудобно видеть вас.”-Ло Юн слегка смутилась, говоря это.

Никто не видел, как пара глаз Сяо Сюя внезапно опустилась. Он слегка кивнул. “Спасибо за беспокойство, тетя Ло. Но ей все же лучше отправиться в императорский госпиталь, чтобы найти императорского врача. Там ей дадут лекарство, и болезнь отступит гораздо быстрее.”

Ло Юн кивнула, а затем продолжила говорить.

“Ваше высочество, она хотела, чтобы слуга передал вам несколько фраз.”

“В этом нет ничего плохого.” -Сяо Сюй поднял глаза, посмотрел на человека на ступеньках и согласился.

“Императрица Нианг Нианг сказала, что вы сами выбрали эту дорогу. Этот дворец не имеет права вмешиваться. Почти двадцать лет сердечной крови было потрачено впустую на ваше тело. Это напрасные усилия. Ответственность семьи Лян, которую вы не хотите брать на себя. Желание матери-императрицы, которое вы не хотите осуществить. Так называемое принятие желаемого за действительное позволило вам вырасти сильным. Вы никогда не принимали его. Тогда, несмотря ни на что, на этот раз, когда вы уйдёте, будете ли вы жить или умрете, обретёте богатство и честь или окажетесь в отчаянном положении, надеюсь, вы будете сам заботиться о себе. Этот дворец больше не будет в этом участвовать. Семья Лян поможет вам своими силами.”

Ло Юн закончила говорить это на одном дыхании. Но ее глаза не осмеливались взглянуть на людей внизу, на это Высочество, от которого веяло холодом.

Чу Цин-Янь была полна гнева. Как называется эта дорога, которую он сам выбрал? Разве это не приказ императора?

Что значит сердечная кровь была потрачена впустую, что значат напрасные усилия? Простите, могу я спросить, вы когда-нибудь беспокоились о своем сыне? Знаете, что он больше всего любил и больше всего ненавидел?

Знаете, что ему было нужно больше всего? Что ему было не нужно? Он уже был достаточно силен. Ему нужно было только тепло близких родственников. Такое простое желание, но вы не хотите его исполнять, достаточно ли вы хороши, чтобы называться матерью?

Когда он был беспомощен, страдал в одиночестве и был бездомным, вы решили отрезать ему путь к отступлению по всевозможным причинам из прошлого.

Императрица Нианг Нианг, вы действительно достойны слова "мать"?

Чу Цин-Янь крепко сжала кулак, ее вены вздулись. Не желая молчать, она хотела открыть рот, но ее запястье схватила сильная рука. Она удивленно повернула голову и посмотрела на человека рядом с собой.

Она видела только, как он кивнул, не печальный и не счастливый.

“Прошу Вас передать это матушке-императрице. Наставление матери-императрицы этот сын будет иметь в виду. Все еще просите, чтобы в те дни, когда этого сына здесь нет, она позаботилась о своем теле. Этот сын просит прощения.”

Чу Цин-Янь прикусила губу, чтобы проглотить слова, которые готовы были сорваться с ее губ вместе с яростью.

Она заставила себя опустить голову, больше не глядя на эти три золотых слова.

Дворец Утреннего Солнца?

Почему она не чувствует ни солнца, ни теплого ветра? Она чувствовала только сильный холод.

Льдина, как мое сердце могло не болеть за тебя?

<http://tl.rulate.ru/book/8270/526667>